

Александр
Романов

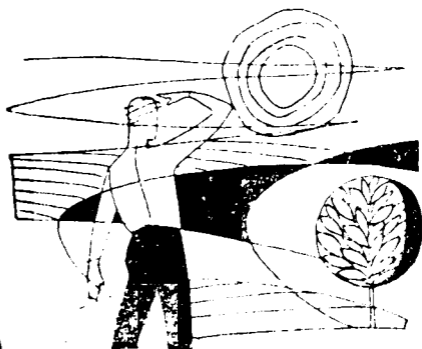
P69

I477859

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ДОСМЯ

За
морем
березовым

Александр Рошанов

И477859

За
морем
березовым

ЛИРИЧЕСКИЕ СТИХИ

Издательство «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»

Москва — 1963

ВОДОГОДСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ
ВИБЛИОТЕКА

Р 2
Р 69

Поэт воспевает суровую и ласковую природу северного края. Мужественных и добрых людей. Его стихам свойствен мягкий лиризм и молодой задор. Главное, о чем говорит поэт, — это чувства, переживания, это будничны́й пафос труда его родных вологжан. Но поэт не ограничивается темами родного края. Ему по плечу мысли о времени, о ветрах нашего века.

Александр Александрович Романов
ЗА МОРЕМ БЕРЕЗОВЫМ

Редактор Д. А. Смирнов
Художник Л. П. Лазовская
Худ. ред. Н. Л. Юсфина. Тех. ред. Н. Д. Попов

Сд. в наб. 20/XII-62 г. Подп. к печ. 26/IV-63 г.
Формат бум. 60 × 90/32. Физ. печ. л. 3,0.
Уч.-изд. л. 2,08. Изд. илд. ХЛ-556. А01852.
Тираж 7000 экз. Цена 10 коп.

Издательство «Советская Россия».
Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Типография издательства «Советская Россия».
Москва, Г-19, ул. Маркса и Энгельса, 14.
Заказ № 800.

ДОЖДЬ

Дождь, дождь, дождь...
На колени упала рожь,
А была до чего ж сильна!
Под струю, как будто под нож,
Попадают головки льна.
Ни просвета который день.
И как десять рыжих коров,
Что отбились от деревень,
Спят комбайны в поле сыром.
Дождь, дождь, дождь...
Председатель, взглядом тяжел,
Уронил кулаки на стол.
Впору водку хлестать со зла.
Рожь! Какая она была!
Он, от радости сам не свой,
Потонув в ржаной глубине,
Сколько раз отдыхал порой
На сухом васильковом дне,
И катились над головой
Шумно, мягко волна к волне.
А потом уходил туда,
Где цвели и плескались льны

Сине-синие, как вода,
Как, верней, живая вода
Нашей северной стороны.
Лишь испить бы чаши полей,
Эти синие чаши, до дна,
Стали б руки еще сильней
И повыпрямилась спина.
Дождь, дождь, дождь...
Одному сидеть невтерпеж.
Ну-ка, «газик», не выдавай,
Ну-ка, «газик», газу давай!
Ноет сердце — в поля, сквозь дождь!
И машина летит рыча.
Речка, лужа — не разберешь,
«Газик», старый друг, выручай!
У бурлящих, вязких борозд,
Где хлебам уже не стоять,
Дымной горечью папирос
Горечь сердца хотел унять.
«Ничего, — говорил он ржи,
Ну, а может быть, сам себе, —
Ничего, только ты держись,
Не такое было в судьбе!»
«Ничего, — говорил он льнам,
Ну, а может, себе опять, —
Ничего, приходилось нам
После всяких дождей вставать!»
Ну-ка, «газик», не выдавай,
Ну-ка, «газик», газу давай!

Темнота и морось кругом....
И машина шла напролом,
Светом фар в полях мельтеша,
Словно там металась огнем
Человеческая душа.

КИНОЖУРНАЛЫ

Сергею Викулову

Мы полюбили в людных залах
Средь наступившей тишины
Сперва смотреть киножурналы
О людях, о делах страны.
И удивительное дело,
Что эти новости подчас
Нас больше за сердце заденут
И большему научат нас.
Кого же упрекать за это,
Что мы порой находим их
Прекрасней сказок многоцветных,
Крупноэкранных и иных?
...Сидим с тобою в чутком зале —
Ты шляпу, я кепчонку мну —
И смотрим влажными глазами
В мерцающую тишину.
А там спокойно, безбоязно
Над стрежнем, где ревет вода,
Висят, качаясь, верхолазы
И тянут, тянут провода.
Но вот уже через минуту

Иное трогает сердца —
В степи сугробной, неуютной
Дрожат от ветра деревца.
И первый след машинный рядом,
И люди снегом руки трут
И, кажется, веселым взглядом
И нас туда, к себе, зовут.
У них негромкие фамилии,
Они немного смущены,
Что вот, под стать артистам, в фильме,
Самих себя сыграть должны.
Но как сыграть, коль жили прямо,
Лишь безыскусственность любя,
Не для хвалы, не для экрана
И малой частью для себя.
Они снимались все когда-то,
Но лишь на карточках простых
Для вузов и военкоматов,
И так, на память, — для родных.
А тут — кино. Как не стесняться?
Но раз должны — так уж должны.
И вот они идут сниматься.
Теперь на память для страны.
Они — немало их в России —
И на заводах, и в полях
Неподражаемо красивы
В своих неписанных ролях.

ТРОЕ

На стене с твоим портретом рядом
Фотоснимки двух мужчин висят.
На один ты смотришь грустным взглядом:
Снят на нем молоденький солдат.

В гимнастерке, без погон, в пилотке,
На груди широкой нет наград:
Путь солдата был совсем коротким —
В самых первых схватках пал солдат.

...Пусть уже давно случилось это,
Годы пусть проходят чередой —
Как живой, глядит с того портрета
Он, твой первый муж, защитник твой...

Ты теперь живешь в согласье с новым.
Трепетную память о былом
Этот не обидит резким словом:
Сам солдатом был, фронтовиком.

Он хороший, но его невольно
Сравниваешь с первым, с тем, порой,

**И тебе всегда бывает больно,
Если в чем-то не похож второй.**

**Он поймет, конечно. Он заметит,
Что ты брови хмуришь неспроста...
Так живет незримо с вами третий,
Ваша память, верность, чистота.**

ДЕЛЕГАТЫ

Визжат летучие полозья,
Взметая с горок снежный дым,
И дует пламенем морозным
В лицо ребятам молодым.

Парок клубится перед ними.
И тут, как будто для красы,
Им подрисовывает иней
Еще не бритые усы.

Вот и райком. Гремят ступени.
С ног парни стряхивают снег.
У них в руках колючий веник
Свой доживает жалкий век.

Заходят, празднично одеты,
В тепло натопленный райком.
И сразу веет в кабинете
От них морозным ветерком.

— Вы делегаты?

— Делегаты!

Светлеют лица у ребят,
Перед комиссией мандатной
Они, веселые, стоят.

Размашист секретарский почерк —
Их биография проста:
Кто скажет: «Родом из рабочих»,
Кто скажет: «Родом из крестьян».

Смотрю на них — мои погодки.
Задорен взгляд. Красива статья.
Их по уверенной походке
Легко приметить и узнать.

Вот так же их отцы когда-то
С фронтов, состроек, с дальних мест
Как новой власти делегаты
Входили с Лениным на съезд.

И так же, словно между прочим,
Назвав родимые места,
Басили: «Родом из рабочих!»,
Бросали: «Родом из крестьян!»

В ДОМЕ КРЕСТЬЯНИНА

Какой-нибудь дутый бездельник
Сюда иногда завернет
И требует номер отдельный,
Мол, в общем — там всякий народ.
И в Доме крестьянина сутки,
Лишь сутки покрутится он,
Считает уже не на шутку —
К крестьянству и я приобщен.
Ну что ж, приобщись на здоровье,
Подумай, представь хоть на миг,
Что рядом с тобою — герои
Еще не написанных книг.
В дороге пробыв спозаранку,
Шоферы усталые спят.
Порою, как вновь за баранкой,
Руками во сне шевелят.
А рядом, наверное, плотник.
(Не стряхнута стружка с волос).
Видать, до работы охотник:
Заснулось — как лечь привелось.
За стенкой, обклеенной, тонкой,
Раскинувши руки в тени,

С улыбкой заснули девчонки,
Быть может, доярки они.
...Все спят. Лишь в дежурке не спится
Хозяйке всю ночь напролет,
Которая тем, кто стучится,
Хорошие сны выдает...

РУССКАЯ ПЕЧЬ

Она стоит на середине
Иль у дверей избы любой,
Как величавая твердыня,
И служит комнатам стеной.

С рассвета людям угождая,
Печет и варит дотемна.
А сколько дум людских рождает,
Так знает только лишь она!

И в ней, широкой, доброй, ладной,
Натура русская видна.
В работе выдюжит как надо
И в горе выстоит она.

Мы помним, как снаряды выли,
Крошились стены от свинца
И как среди огня и пыли
Держались печи до конца.

И на виду у нол-России,
Изранены, опалены,

Они лишь мщениа просили
У всколыхнувшейся страны.

Потом, как повелось извечно,
Когда затих военный гром,
Простой и жаркой русской печью
Мы вновь венчали каждый дом.

....Стоит, и сй износу нету,
Хотя в работе целый век.
Ее от всей души за это
И любит русский человек.

ГОРА

Его шутливо, добродушно
Прозвали с малых лет Горой.
А был Гора совсем не дюжий
И уж, конечно, не герой.
Но так привыкли звать Горою
Его в деревне стар и мал,
Что имя доброе порою
Иной не сразу вспоминал.
И он привык к такому зову
И откликался, не браня,
Когда его, немолодого,
Звала вот так и ребятня.
И то ль от скромности излишней,
А то ль от робости какой
Всех незаметнее и тише
Он был в бригаде полевой.
И если в чем-то был виновен
Иль бригадир, иль кто иной,
Поспорив, все сходились снова:
Мол, тут Гора всему виной.
А он, к таким привыкший шуткам,
С улыбкой доставал кисет.

477859

Трещала жарко самокрутка
На эту реплику в ответ.
И вот однажды в полдень жаркий
В пятиминутный перерыв
Гора газетку для цигарки
Достал, карманы перерыв.
Достал и охнул над газетой,
Качая лысой головой.
Народ заметил сразу это:
— Гора, послушай, что с тобой?
— Да тут вот лишут о Берлине...
Меня там ранило тогда.
Добро, отстраивают ныне,
А был — так посмотреть беда... —
И потянулось к той газетке
Нетерпеливых рук кольцо,
И люди с выраженьем редким
Взглянули в светлое лицо.
И праздник вспомнили весенний:
При орденах, немножко пьян,
Ходил Гора среди веселья...
И, вспомнив, молча рядом сели:
— Давай закурим-ка, Иван!

ВОЛОГОДСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА

ДИПЛОМАТ

По воле страны за границей
Он плавал по синим морям
С визитами к шахам и принцам
И даже порой к королям.
Высокая служба и почестъ —
Россию представить собой.
Он выше был всяких высочеств
С мандатом Державы такой!
Он ездил по белому свету,
Куда ни послал бы народ.
Но вот дипломату на лето
Правительство отпуск дает.
Уже Подмосковье и встречи,
А после деревня, где мать,
Куда добираться не легче,
Чем в дальней стране побывать.
Усталый от дела большого,
От шумных дорог и путей,
Деревнею молодо шел он,
Приветствуя старых друзей.
Садись под липы, курили
И, выпив за встречу вина,

О хлебе, политике, мире
Вели разговор допоздна.
И слушая их, бородатых,
Он так отмечал про себя:
А все ж мужики — дипломаты
Не хуже, пожалуй, чем я.
Мы знаем — тебе, мол, не просто:
У них на уме барыши.
Но ты на язык тоже острый,
Не лыком, как сказано, шит.
Когда ж не хотят полюбовно
Беседовать с глазу на глаз,
Ты кое о чем им напомни
И прямо ссылайся на нас!

ПО ВОЛЕ НАШЕГО ПАРТКОМА

По воле нашего парткома,
Как добрый знак, что я в чести,
Мне предложили в этом доме
Кружок политики вести.
Кружок политики текущей —
Мудреный, так сказать, кружок.
И вот я вновь в народной гуще,
Среди забот, среди тревог.
Уборщицы и кастелянши,
Да с ними слесарь и монтер.
Приходят поутру пораньше,
И начинаем разговор.
Событий прожитой недели
Касаюсь коротко сперва
И, чтоб мои слова задели,
Ищу простейшие слова.
Названья дальних стран так странны.
Старушки, век проживши свой,
Об этих землях, этих странах
В кружке услышали впервой.
Я говорю: «Народ на Кубе
Забрал, как мы когда-то, власть.
Враги с Америккою вкупе

На Кубу собрались напасть».
И вижу я — мрачнеют взгляды,
И боль кубинская близка,
И кто-то говорит, что надо
Помочь, не поздно, мол, пока.
Но тут упрек несмелый слышу:
«Всем помогаем — нам почет.
Спешим покрыть чужие крыши,
Забыли, что своя течет»...
Молчанье тягостное длится.
Я жду, какой дадут ответ.
Тревожно вглядываюсь в лица —
На них раздумчивости след.
Вот начинает тетя Глаша:
«Ведь и в семье ведется так,
Что братьям младшим, сестрам младшим
Всегда опорю — большак.
Он, может, сам живет не очень,
Порою нелегко живет,
Но долей младших озабочен —
Уж так завел у нас народ»...
Народу нашему понятна,
Ему особенно близка
Живущих в землях тридевятых
И боль, и радость, и тоска.
И я дивлюсь его любовью
И широтой души дивлюсь,
И я горжусь, что эту долю
Несет достойно наша Русь!

КОММУНИСТЫ

Что еще быть может тяжелее,
Чем рвануться в межпланетный путь?
Силой взлета силу притяженья
Надо человеку зачеркнуть.
Громких слов остерегаясь, все же
Мне сейчас без них не обойтись,
Если все, чем мы живем и можем,
Вкладываем в слово «коммунизм».
Коммунизм — высокая орбита
Наших дел, желаний и сердец!
За нее идет всемирно битва,
Век двадцатый — за нее борец.
Этот путь порой потяжелее,
Чем к планетам неоткрытый путь.
Собственность, как силу притяженья,
Надо человеку зачеркнуть.
Есть такие! Их ряды все шире,
Поступь их все громче на земле.
Космонавты будущего мира —
Те, кто носят ленинский билет.
И о них немало говорится
Громкого значенья всяких слов.

Если тех людей не знаешь в лица,
Мыслить их титанами готов.
Будто бы они совсем иные,
Чище нас и мужественней нас,
А они — такие же земные,
С нами рядом каждый день и час.
И себя порой испепеляя,
Эти люди рвутся лишь вперед.
Собственность магнитными полями
На дороге времени встает.
И сквозь них, сквозь пояса диверсий,
И сквозь тучи лжи и клеветы —
Прямо к человеческому сердцу,
На орбиту чистой высоты.

ВЫТЕГОРЫ

Проезжали вы те горы,
Где клубятся сосняки,
Вас встречали вытегоры,
Молодые лесники?
Да, в душе не отзвучали
Те слова, что любят тут:
«Разогреешь душу чаем —
Веселей дела пойдут».
Угощали всюду с жаром
Лесорубы земляка:
За столом — из самовара,
У костра — из котелка.
...Опрокидывались сосны,
Рассекая облака.
От натуги выли тросы,
Гнулся борт грузовика.
Полыхали жаром лица,
Шла работа — как гульба.
И снежинки на ресницах,
И хвоинки на губах...
Все — до дальней тропки лосьей —
Все вам по сердцу пришлось
В золотистых избах сосен,
В белых горницах берез.

СИДИТ СТАРИК НА МЕЛЬНИЦЕ...

Сидит старик на мельнице,
Бывальщины плетет.
Не веришь, да поверится,
Присядешь у ворот.
И сам он — как бывальщина,
С дремучей бородой,
Которую отращивал
С последней мировой.
Вот снова былъ у старого,
Как зайцев загонял
Зимой, бывало, стаями
Во двор, на сеновал.
И, к слову, былъ военная,
Как гнался за вражьем
Под Прагою и Веною
На танке на своем...
И былъ за былью вяжется,
И былям нет конца.
Что прожито, то скажется,
Заденет за сердца.
Ведь было в жизни всякое:
И радость, и беда.
От горя редко плакали,

От радости — всегда.
Полсвета исходили мы
Не ради красных слов.
И веет, веет былями
От прожитых годов.
...Сидит старик на мельнице,
Бывальщины плетет.
Не веришь, да поверится,
Присядешь у ворот.

И ВОТ ОБЪЯВЛЯЮТСЯ ТАНЦЫ...

И вот объявляются танцы.
Пол вымыт, натерт до глянца
Веником да песком.
Здесь каждого знают, как просеку, —
Люди свои кругом.
Уже и амурские волны,
Бушуя, катятся к нам.
И, крышку подняв, радиола,
Как парус, плывет по волнам.
Но круг пустует покуда:
Девчата в сторонке стоят,
Сияют и ждут ребят.
А те возле двери курят
И медлят, и мнутся что-то.
О, эта робость парней,
Неробких в любой работе,
Отлично понятна мне!
Сейчас до чего ж неловко,
Застенчиво в круг идут:
На девушках не спецовки —
Обновки ситцем цветут.

И парни, словно впервые,
Глядят на девичью стать:
Ну, впрямь Аксиныи лесные,
Как к ним подойти, как встать?
Стеснительно и неброско
Выводят в круг, на простор.
И смотрят в окна березки
На танец своих сестер.
Потом, не боясь простудиться,
Сбегают пары с крыльца.
Бледнеют от близости лица,
Томятся желаньем сердца.
И парни, «бостоны» набросив
На зябкие плечи девчат,
Уводят их утро встречать
В зеленые сумерки просек.
А там наклонись, погляди-ка --
Брусника на кочках подряд.
И губы — при чем здесь брусника? —
Бруснично и жарко горят.
И чтоб ошибаться не смели
Девчата в предутренний час,
Вдогонку им старые ели,
Как матери, шепчут наказ.

РОВЕСНИКУ

Уже теперь мы сами —
Подумай, друг, сочти —
С погибшими отцами
Ровесники почти.
И снимки фронтовые
Их молодость хранят.
Какие молодые
Они на нас глядят!
Глядят с альбомов старых,
С простенков избуных,
С полотен, с пьедесталов
Да книжек фронтовых.
По всей стране огромной
Который год подряд
Внимательно и скромно
Они на нас глядят.
И как достойно надо
Нам жить, любить, гореть,
Чтоб самым чистым взглядом
В глаза им посмотреть!

Е Л Ь

Ель качнулась медленно и грозно
От одной звезды к другой
И, вершинку опалив о звезды,
Накренилась темною пургой.
Тяжело, космато, как в раздумье,
Не спугнув на прутике клеста.
А потом пошла снижаться шумно,
Каждой веткою свистать,
Каждой веткой негодуя,
Каждой веткой на лету
В небе вычертив кривую
И последнюю черту.
Окончательно теряя
Всю заносчивость свою,
Очертания стирая,
Превратясь в одну струю,
Все быстрее,
Все ниже,
Ниже,
Понимая,
Что не выжить.
Вот уже подлесок,
Мох,
Кочки —
И
Тяжелый вздох!

РУССКИЕ ДЕРЕВНИ

I

Сколько их на Руси поставлено,
Деревенек и сел бревенчатых,
Подпоясанных палисадами
И рябинами увенчанных!
То речушки со щучьими плесами,
То леса их к себе привадили...
Широко по земле разбросаны,
Словно дети одной матери.
И в озерах ржаных да клеверных
Чередуются, будто пристани.
Еле слышные — ближе к северу,
Ближе к югу — голосистые.
Среди них одинокими вехами
Есть такие, что глаз не радуют:
Пассажиры давно все уехали
И не взяли билеты обратные.
Между ними, будя минувшее,
Там и тут церквушки на склонах
Кораблями лежат затонувшими
И белеют на дне зеленом.

Кто жил в селе, тот знает,
Легко понять без слов
Характеры хозяев
По облику домов.
Гляди — на бабку древнюю
Похожа та изба.
Плывут цветы по дереву,
Старинная резьба.
А вон за палисадом,
От краски полосатым,
Иного склада дом:
С простецким мезонином,
С распахнутым крыльцом,
Стоит и взглядом синим
Он смотрит на друзей,
Как парень в картузе.
...Я с малых лет к деревне
Любовь свою несу
За мудрое терпенье,
За строгую красу.
И за ржаные реки,
За клеверный уют,
За то, что век от века
Здесь мастера живут.
Каретино, Налимья,
Житково, Бор Петров...
То прозвище, то имя

Не тех ли мастеров?
Никто о них не знает,
Они легенд древней
И живы лишь в названьях
Российских деревень.

РАЙОННЫЕ ДОРОГИ

Шоферу Л

Дороги вы, дороги,
Районные пути!
Охотников немного
Поехать и пойти.
И люди ждут у чайных:
Когда ж какой-нибудь
Грузовичок случайный
Рискнет рвануться в путь?
И вот он едет — нате! —
Не едет, а бредет —
Упрямый, угловатый
Районный вездеход.
Попутчики — к проселку.
Шофер знакомый, свой,
С улыбкой невеселой
Качает головой.
И шутит возле чайной:
Мол, всех забрать могу,
За жизнь лишь не ручаюсь,
А вещи сберегу.
И вновь, тревогу пряча

(Попробуй проберись!).
Решает он задачи
На смелость и на риск.
...Идет машина грузно,
Шоферу нелегко.
Потрескивает кузов
От натиска мешков.
И, к ним прижавшись туго,
Попутчики сидят.
С восторгом и испугом
Назад бросают взгляд.
И говорят влюбленно:
— Лишь он проехать мог!
Шофер дорог районных —
Король таких дорог!

*
* *
*

И младший сын уже оставил дом.
Его на пристань провожать пришла
И только тут заплакала при нем —
В последний час сдержаться не могла.
Тебе никак не верилось сперва,
Что сын-то, даже младший, — уж солдат.
Острижена, как в детстве, голова...
Ах, годы, годы, как они летят!
Давно ль, скажи, изба была тесна,
Когда семья собиралась в поздний час?
А с пристани теперь зашла одна —
Огромной показалась в первый раз.
Ушли сыны на разные дела.
По-матерински ты могла понять,
Что срок пришел и это позвала
Их от тебя уже другая мать.
Она сынам оружие дает,
Погоны пришивает, ставит в строй,
Она выводит сыновей в полет,
Их осеняя красною звездой.

**А как по-матерински ей не знать,
Как ты грустишь, коль нет от них письма?
...В пеленках были — не давали спать,
А подросли — так не уснешь сама.**

*
* *
*

Л. Буркову

Сойдешь на тихом полусганке,
Где ты ни разу не бывал,
Где лишь минутные стоянки
Да только будка — весь вокзал.
Сойдешь, достанешь папироску
И, от метели заслоня,
На миг в своих ладонях жестких
Укроешь бабочку огня.
Дымком затянешься глубоко,
Проводнику посмотришь вслед,
И станет как-то одиноко —
Здесь никого знакомых нет.
Но, нахлобучив шапку туже,
Пойдешь туда, где должен быть,
И станешь по пути от стужи
В дома погреться заходить.
И если сам ты откровенный,
Немолчаливый и простой,
Хозяин дома непременно
Поговорит, как друг, с тобой.

И самовар бронзовощекий
Хозяйка вынесет потом,
И чай с густым брусничным соком
Дымиться станет над столом.
И будет часто так. Когда же
Пройдет твоей поездки срок,
То кто-то «до свиданья» скажет,
А кто-то выйдет за порог.
Пожмет, прощаясь, руку жарко:
Мол, приезжай сюда опять.
И расставаться будет жалко,
И будет грустно уезжать.

*
* *
*

Бывает так: за дружеским столом
Усядутся товарищи мои
И запоют о братстве фронтовом,
Припомнив отгремевшие бои.

Немало песен сложено у нас
Не хуже этой, старой, может быть,
Но первой категории запас
Ее никак не может позабыть.

Я знаю эту песню, но молчу:
По молодости не был на войне...
Друзья меня ударят по плечу
И, приглашая, закивают мне.

Тогда, как равный, подтяну я им.
Ведь в самом деле мы равны сейчас:
В одном ряду, в одном строю стоим,
Все — первой категории запас!

ОТЕЦ

1

Чем дальше горестное лето,
Тем ярче в памяти моей.
В шинель неловкую одетый
Сидит отец возле дверей.

А на скамье лежит котомка
С домашним хлебом и бельем.
И говорит отец негромко:
— Не надо плакать, мы придем.

Потом встает и медлит снова.
Видать, в родном доме порог
Для человека в час суровый
Нередко кажется высок.

И больше нет воспоминаний.
И лишь известие одно,
Что каждой строчкой душу ранит,
Среди бумаг лежит давно.

Но мы о горьком том известье
Между собой не говорим:

Отец как будто с нами вместе,
И мы как будто вместе с ним.

И если в чем-нибудь немного
Я покривлю душой своей,
Невольно вспомню, как бы строго
Отец взглянул из-под бровей.

А если — даже в малом деле —
Стою за правду до конца,
Представляю, как бы потеплели
Глаза суровые отца.

2

Уснут в доме мои соседи,
И в полуночной тишине
Веду я мысленно беседы
С моим отцом наедине.

Закрыв глаза, я различаю:
Он в гимнастерке, со звездой,
Сидит с усталыми плечами
И вспоминает первый бой.

...Я будто слышу, как злоеще
Чужие мины без конца
То тут, то там в болото хлещут,
Где был замечен взвод отца.

А взвод ползет меж кочек шатких,
По мхам, разводьям ледяным.
И звезды красные на шапках
Пороховой овеял дым.

И сколько их, пятиконечных,
Навеки меркнет в топи той.
Но взвод ползет врагу навстречу,
Чтоб смять его, смешать с землей.

И в этот час, одно лишь зная,
Что здесь, что именно вот здесь
Россия вся передним краем
Уперлась в опаленный лес, —

Ползут вперед солдаты злее,
Ни жизнь, ни молодость свою —
Ничто на свете не жалея,
Лишь только б устоять в бою!

...Рассвет в окне синее льдины.
Очнувшись вдруг от забытья,
Смотрю вокруг — сижу один я,
Во сне вздыхают сыновья.

Встаю, раздумьями встревожен:
Ведь и у тех, спасавших нас,
Вот так наследники бы тоже
Росли, наверное, сейчас.

ВОЛОГДА МОЯ

Как услышу я знакомый говорок:
«Наша Вологда — хороший городок!» —
Словно ветерком обдует сердце,
Теплым, чистым, хвойным ветерком,
И от грусти никуда не деться:
Жалко расставаться с земляком.
Как да что там? — на ходу вопросы,
А перед глазами — все одно.
Улочка. Снега. Рассвет морозный.
И твое кудрявое окно.
Будто бы деревья, над домами
Стынет дым, белес и недвижим.
А деревья вдоль посадов сами
Цепенеют, словно дым.
Ты проходишь в этот час под ними,
Задеваешь ветки невзначай,
И пушится, как бывало, иней
Горностаем на плечах...
Почему-то вижу только это,
Слушая рассказы земляка
О кварталах, выросших за лето,
О домах, глядящих свысока.

Видно, так порой бывает с нами:
Спрашиваем мы про города,
Слушаем дивясь, а вспоминаем
В них кого-то близкого всегда.
Так и я — вот задаю вопросы,
Ну, а сам — в далеком далеке...
Вологда моя светловолосая
С искоркой-снежинкой на щеке!

ЗИМНЕЕ УТРО

Поленьями ольховыми
Похрустывает печь.
Как благодатно с холода
Кофтенку сбросить с плеч!
И вот в сиянье жарком
Она полунага.
Шипя, летят огарки
Стрекбзами к погам.
Их веником сметает,
Чтоб ноги не обжечь.
И шаньги на сметане
Начинает печь.
На окнах иней розовый:
Видать, заря встает.
Пропели рядом розвальни
И встали у ворот.
И вот уж двери настезь,
И на пороге — он.
Смеется: «Здравствуй, Настя!»
И делает поклон.
А от порога катится
По половицам пар

К босым ногам красавицы,
Как белый-белый шар.
И вспыхивает девушка,
Не смея поглядеть.
Кофтенку сразу — где уж там! —
Успеешь ли надеть.
— Да что ж ты, Настя, прячешься?
Ведь я к тебе — навек!.. —
И на лицо горячее
Летит с ушанки снег.

В АВТОБУСЕ ЕХАЛА ЖЕНЩИНА

В автобусе ехала женщина,
Средь прочих — одна такая.
Лет тридцать, наверно, не меньше ей,
А может, меньше — не знаю.
Мужчины уже со ступеньки,
Едва закрывались двери,
Совали кондуктору деньги,
А на нее глядели.
Им говорил кондуктор:
«Вперед проходите, граждане».
Они стояли, как будто
Это касалось не каждого.
Она газету читала,
Сидела вполоборота,
Как будто и дела мало,
Что ею любитесь кто-то.
Но лишь ресницы густые
Она подняла устало —
Мужчины глаза опустили:
Знобко мужчинам стало.

С каким-то смутным испугом,
Себя, наверно, жалея,
Одернула платье туго
На смуглых, в капроне, коленях.
И встала, поправив волосы
Из солнечных золотинок,
И все расступились в автобусе,
Насколько места хватило.
Пошла и долгие взгляды
Она за собой уводила,
Быть может, сама не рада,
Что так сердца́ бередила...
Спасибо тебе, спасибо,
Женщина незнакомая,
Что ты про наших красивых
Собой хорошо напомнила.

П Л Я С К А

И откуда взялась такая!
Только вышла она на круг —
И гармошка ахнула вдруг
И застыла в руках, немая.
Но только — на мгновение.
И, волю дав ладам,
Восторг и удивление
Ей бросила к ногам.
До чего ж стройна,
До чего ж бела,
До чего ж красива!
Ветер в косы заплела
И летит-дробит она.
Загляделось нолсела —
Диво!
«Не спою, как соловей,
Спою, как соловьиночка.
У высоких тополей
Послушай, ягодиночка!»
Запоеет — так не случайно:
Каждой песне адрес даст.
В каждой песне — сердца тайны,

Разгадайте, кто горазд!
Гармонист, бывалый парень,
Уж на что сердце знаток,
Только шурился, вздыхая,
Разгадать никак не мог,
Для кого поются песни,
Для кого румянец щек?
Может, ей одной известно,
Да известно ли еще?!

ПОСВЯЩЕНИЕ В РОДНЮ

Рванулась на крыльцо: приехал сын!
Ко мне припала: — Значит, не один... —
И отшатнулась, посветлев, назад.
Догадкой осенен, знакомлю их —
И вот они, две женщины, стоят,
Пока еще две женщины чужих.
О, это посвящение в родню,
Смятенье чувств и зоркость мудрых глаз!
Волнуюсь и молчание храню:
Мои слова им не нужны сейчас.
Они сейчас сердцами все поймут,
Я прав иль нет, что говорил о них.
Целуются, друг другу руки жмут,
Но все еще две женщины чужих.
Шумит по-праздничному самовар,
Все в золотниках солнечных насквозь:
Глаза, морщинки и над чашкой пар,
Игра ресниц и прядь густых волос.
И, как у нас ведется в деревнях,
Уже соседки поглазеть идут.
— Ну, проходите! Что вы там, в дверях?
— Да ладно, ладно, постоим и тут.

По делу мы, вон к матери твоей,
За квасом мы. У ней такой уж квас!.. —
Налили квас, но все же от дверей
Нейдут они, разглядывают нас.
И говорят: мол, это кто, жена?
Уж до чего ж пригожа да бела,
И рослая, гляди-ко. Знать, она,
Голубушка, не в городе росла.
Уж больно городские-то бедны:
Ни спереди, ни сзади — ничего...
И вижу я, как чашка у жены
Дрожит в руках и плещется чаек.
А я смеюсь: не угадали, нет, —
Из города, из Вологды самой!
И ахают притворщицы в ответ
И с новостью торопятя домой.
...Сидим втроем, толкуем допоздна.
Веселый самовар давно затих.
— Спасибо, мама, — говорит жена,
И вижу тут, что женщин нет чужих.

ДОМАШНЯЯ ХОЗЯЙКА

Масло верещит на сковородках,
Печка докрасна раскалена...
Ты в косынке, в платице коротком
Здесь колдуешь снова дотемна.

Жаришь, паришь, отдыха не зная,
Синий зной качается кругом.
И добро б семья была большая,
А у вас — два стула за столом.

Тот, кому готовится все это,
За столом сидит уже давно,
Тычет вилкой в жирную котлету,
Разливает белое вино.

Потный, красный, в вылинявшей майке,
Он доволен мастерством твоим.
Ну, а ты — как будто не хозяйка,
А официантка перед ним.

Похвалам его совсем не рада,
Вяло улыбаешься в ответ,
И в твоём похолодевшем взгляде
Прежнего сиянья больше нет.

ТВОИ ПОДРУГИ ЗАМУЖЕМ ДАВНО..

Твои подруги замужем давно,
Учительницы сельской семилетки.
Ты их порой встречаешь у кино
И — что скрывать — завидуешь нередко.

Они к тебе нешумно подойдут:
Начальство все же — секретарь райкома.
И до сеанса несколько минут
Поговорят охотно о знакомых.

Мол, та родила и женился тот...
И ты за них, конечно, будешь рада.
Пойдешь одна — и на сердце падет
Неясная и тихая досада.

На что же? На кого же? Не понять...
Потом забудешь о досаде этой:
В райкоме заседания опять,
Беседы и вручение билетов.

И за день стольким руки ты пожмешь,
И в столько счастлих и несчастий вникнешь,
Что о себе ни разу не вздохнешь,
Не вспомнишь о раздумье о давнишнем.

И лишь когда останешься одна,
Когда мелькнут огни в тумане зыбком,
Почувствуешь ты снова, как нужна
Не встреченная до сих пор улыбка.

*
* *
*

Поверишь ли, здесь не природа — чудо!
Иди любой дорогой и тропой —
Березняки и ельники повсюду
Шумят гостеприимно над тобой.

В прохладном мху, в суровом белоусе,
Под хрупкими валежинами

ты

На спрятавшийся рыжик полюбуйся,
На нем роса, опавшие листья...

Усыпан лес грибами и брусникой..
Ну, а пойдешь по просеке назад —
Седые нитки паутины липкой
На пиджаке и в чубе заблестят.

Вот и река. Подъязки плещут сонно.
Вода, как деготь, у кустов черна.
А наклонись и зачерпни ладонью —
Светлей и чище хрусталя она.

И пахнет чем-то свежим, свежим всюду,
Куда б ни шел — на речку или в лес..
Да, здесь природа в самом деле — чудо,
Но без тебя мне очень грустно здесь.

*
* *
*

Нет трогательней, откровенней,
Чем письма матери родной.
В них так и веет той деревней
И той отцовской стороной,
Где ничего не позабыто
Из трудных и веселых дней,
Откуда всякие события,
Быть может, кажутся видней.
Слова простые и без фальши,
Слова как есть, как знает мать.
Не закурив, не можешь дальше
Спокойно те слова читать.
«Ведь я уж старая, ребята,
Всего видала на веку,
И хоть у нас немного платят,
Но не работать не могу...»
Прочтешь и всякое припомнишь...
Однажды в знойный сенокос
Грузовичок до дальней поймы
Меня, газетчика, довез.
Там травы жертвенно плясали

Под удаль музыки стальной
И пели женщины глазами,
Руками пели и спиной.
И средь людей уже знакомых,
Заметил я, была одна
Старушка. Ей бы лучше дома
Сидеть с внучонком у окна.
И я сказал ей, что, пожалуй,
Вам очень трудно на лугу.
Она ответила устало:
«А не работать не могу...»

ЖЕНИТСЯ НАЧАЛЬНИК ЛЕСОПУНКТА

Жил в лесу и думал часто,
Что, наверно, ходит счастье
На каблучках — на гвоздиках,
Небольшого ростика,
С челкой модной, маленькой
И в глазах с лукавинкой.
И оно не здесь. А безусловно
За тремя морями вдалеке:
За морем березовым,
За морем сосновым,
За морем еловым в городке.
Люди звали в гости

хлебосольно,

Только он чуждался до поры.
Полыхали свадьбы на поселке,
Как веселья шумного костры.
Говорили люди уважительно,
Намекали люди про невест:
Одному да в нашем общежитии
Неужели жить не надоест?
«Личная свобода — это благо, —
Он бросался шутками не раз. —
Пожениться — молодость
оплакать.

А таких хватает и без нас...»

Пропадал в лесах, а поздно
вечером
Пасмурно вышагивал
к диспетчеру,
Сам звонил, просил порожняка.
И стояла рядом — делать
нечего —
Машенька, диспетчер,
не привечена,
И смотрела нежно и доверчиво
Сбоку на него, широкоплечего,
На него, усталого слегка.
Вскоре вдалеке, на нижнем
складе,
На дежурствах стали замечать,
Что в лесу с диспетчером
неладно:
Засыпает, видно, по ночам.
То молчит, как будто
потерялась,
То ответит невпопад она.
Спрашивают: «С кем там
целовалась?»
В трубке слышно: «Что вы,
я одна...»
...Новость, словно почечка,
проклюнется,
И ее — уже глядишь —
по улицам

В клювниках синицы понесут.
«Женится начальник
лесопункта!» —
Лесопункт заговорил вовсю.
...Не лосята стукались рогами —
То столы сдвигались впопыхах.
Не цветы носили ворохами —
Скатерти стелили на столах.
Подымали гости
Хитроумно тосты,
Золотились на стаканах ободки.
Все казалось горьким,
Все — до хлебной корки,
Все горчило, объясненьям
вопреки.
Заступались свахи: «Ну чего
еще?
Сколько ж можно, пожалейте
их...»
Но вставала Маша, как
черемушка,
И, как ясень, рядом с ней жених.
И глядели старики придирчиво:
«Девки, словно ягоды, растут.
Вот у нас пошли какие
нынче-то —
Над своим начальством
власть берут...»

*
* * *

Ты неожиданно и негаданно
Решила, как всегда:
«Говорят, красивый Кадников —
Поехали туда!»
Песни девичьи расплескивал
Автобус поутру
За полями, перелесками
На молодом ветру.
Все привычное, усталое,
Мешавшее нам
За автобусом оставлено
По разным сторонам!
Я в глаза твои заглядывал,
Своих не отводя.
И когда тебя разгадывал,
Разгадывал себя...
По дороге по укатанной
Легко из-под горы
Мы влетели в город Кадников,
В зеленые шатры.
Ты смеялась очень молодо,

Споткнувшись второпях.
И шатались мы по городу,
Где яблоки в садах.
Ах, в Кадникове яблоки!
Попробуешь раз —
Как будто озябнешь,
Прищуришь глаз.
В холодных росинках
Яблок любой,
С горчинкой, с кислинкой,
Как наша любовь.
Мы малиной сластили
Яблоки там.
Малина ливнем красным
Стучала по кустам.
И мы в зеленой заводи,
Где славно отдыхать,
Бродили, взявшись за руки,
Счастливые опять.
И мы решили загодя:
Чуть что — скорей туда,
Где в яблоках и ягодах
Такие города!

МОЛОКО

При этом слове непременно
Подумаешь: а хорошо
Открыть бидон, в котором пена,
Как белый-белый гребешок.
И ослепительно набулькать
В стакан густого молока,
И разломить скорее булку,
И пить, холодное пока.
Блеснут росинки на стакане,
Ты кончишь пить и скажешь: ах!
И молоко следы оставит
Ромашкой свежей на губах...
Но для меня при этом слове
Встает другое наяву —
Село далекое, лесное,
Где я у матери живу.
Здесь рано-рано, мне сдается,
Доярки со дворов своих
На волю выпускают солнце,
Чтоб разбудило остальных.
Как рыжий бык, оно пасется
На голубой траве. Затем

Доярки вновь застанут солнце
И позже всех закончат день.
Пойдут сумеречной тропею
И будут чутя, как в руках
Вновь отзывается до боли
И звон, и тяжесть молока.
...Ты, друг, живешь, пэ-городскому,
Берешь бидон под молоко.
Оно в ларьке копейки стоит,
Ну, а ларек — недалеко.
И ты не знаешь тех героев,
О них певцы молчат пока,
Но выпей, друг, за их здоровье
Стакан густого молока!

ТЕТЕРЕВ

Он только это запомнил:
Споткнулся о что-то с разбега,
Не зная, что это ладони,
Ладони доброго человека.
И только тогда поверил,
Что с ним случилось неладно,
Когда озябшие перья
Кто-то тепло разгладил.
Он так и замер от страха
И сунулся в кипень снега,
Не зная, что это рубаха,
Рубаха доброго человека.
Звенели по насту лыжи,
Визжали на поворотах,
И он над собою слышал:
Ругал человек кого-то.
И вот, озаренный светом,
Он ринулся в тень неловко,
Не зная, что печка это,
А не старая елка.
Принес человек охапку
Березовых веток к ночи,

Где много влажных и сладких,
Пахнущих лесом почек.
А вскоре ранью белесой,
Когда на озера окон
Заря потекла из леса
Подснежным клюквенным соком,
Он крылья раскинул натужно,
Почувь снова здоровье,
И красными полукружьями
Затрепетали надбровья,
И шея, как зоб, набухла,
И рябь прокатилась шеей,
И что-то забулькало глухо,
Потом все гуще, слышнее.
И вот поплыла из окошка,
Пугая старух суеверно,
Тоскливая песня терешки
Над всею сонной деревней.
Он вспомнил рассвет и ельник,
И отклик, ему понятный,
И то, как черкал соперник
Крыльями снег примятый.
И все, что было когда-то,
Вновь волновало душу...
А человек на кровати
Сидел одиноко и слушал.

*
* *
*

Неяркое позднее лето,
Спокойных небес глубина.
И осень — за просекой где-то,
И где-то за речкой — весна.
Но эти приметы неброски,
Соседствуют рядом они.
Порой зеленеют березки
Точь-в-точь как в весенние дни.
Но в это лишь стоит поверить,
Как вдруг из-за просеки той
Нежданно прохладой повеет,
Запахнет брусникой густой.
Листвой опалит золотою
Дома и поля на лету...
И сердце поверить готово
В иную уже красоту.
Сижу я с тобой до рассвета,
Хмелею опять без вина...
Неяркое позднее лето,
И глаз, и небес глубина.

В лесу осеннем, как в пустом дому,
Бродить немного грустно одному.
Жильцы не взяли ничего с собою
И в спешке даже не закрыли дом,
И вот от ветра валятся кругом,
Желтея, занавески и обои.
А сколько окон оказалось здесь!
На солнце дом просвечивает весь.
И в нем средь непривычной тишины
То тут, то там топорики слышны.
Кто может быть? Уехали-то все ли?
Ах, это дятлы конопатят щели.
И в комнатах, холодных и просторных,
Где пели и трудились мастера,
Теперь, махнув крылом на ордера,
Устроились сороки да вороны.
А Михаил Иванович — домком —
В подвал улегся до весны клубком.

Местком о путевках хлопочет:
Тому надо в солнечный Крым,
Другому — в Батуми иль в Сочи,
А мне бы к березам родным.
Туда непременно, где ныне
За синей лесною стеной
Раздольно валы ветряные
Текут по равнине ржаной.
Где сладко пиджак с себя сбросив,
Курить под кустом ивняка,
Смотреть, как плывут к папиресе,
Огня не боясь, облака.
Где слышно, как филин на елке
Простонет порой за селом,
Береза синицею щелкнет,
Ольха просвистит соловьем.
Где зыбкая даль прозвенела
Когда-то,
 нарушив покой,
Во мне самой первой, несмелой,
Но самой душевной строкой.

ЗЕЛЕНЫЙ ГОРОД

Как будто бы в большой зеленый город,
Вступаешь в теплый августовский лес,
Который вечно стар и вечно молод,
В котором столько улиц и чудес.

Вот переулок — наклоняйся низко...
Прошит лучами он наискосок.
И, словно электрические искры,
Летит на плечи солнечный песок.
Ну, а внизу — прохладные подвалы,
Хранится там настой давнишних смол.
Его глотками пил не раз, бывало,
И вот опять попробовать зашел.

А рядышком с еловым переулком
Березовая улица лежит.
Как солнечна она! И как в ней гулко!
И как на ней просторны этажи!
И вся она заселена на лето
Певцами, музыкантами опять.
Их все равно не переслушать — где
там! —

Хоть целый день на улице стоять.
А вот и тупичок ольховый, тихий.
Здесь земляникой пахнет, как всегда.
И диво, право, как трава не вспыхнет
От искр ее, зароненных сюда.
Оглянешься — в сверкающем просвете
Поляна, словно площадь, широка.
На площади, как памятники лету,
Чеканной бронзы высятся стога.

...И бродишь так по улицам зеленым,
По переулкам и по тупикам
И смотришь удивленно и влюбленно
На город, где хозяином — ты сам.

ЧЕРЕМУХИ

Издадека, издадека
Я вижу вас, черемухи.
Плывут над вами облака
В спокойной очередности.
Быть может, те, что над Москвой
Неслись, грозой клубимые,
Со звезд державных взяв с собой
По капельке рубиновой.
Издадека, издадека
Я вижу вас, черемухи.
Вы сами словно облака,
Лишь не в пути — на отдыхе.
А стоит ветру вас толкнуть,
И вы от дома нашего
Сорветесь весело и — в путь!
Ищи потом, расспрашивай.
Но нет, ведь вы не облака,
И это только кажется.
Пуржите цветом свысока,
От белой гнетесь тяжести.
И посреди весны опять
Стоите обещанием

Того, что можно ожидать
От вас за обожание.
И смотрит мать, тиха, светла:
— Ну, будет ягод к осени!
От рук чужих вас берегла,
В беде весной не бросила.
...Бумажным ворохом слетел,
Поблекнул цвет. И к августу
На ветках только кое-где
Чернеют капли жалостно.
А где былое торжество?
В вершинах только шорохи...
И я не знаю отчего,
Но грустно мне, черемухи.

ПРЕДОК

Кто он был? В каком таком обличье?
Он стоял на фоне синевы,
И сквозило что-то необычное
В повороте смелой головы,
Что-то в нем былинное сквозило:
Вот поднял он руку, застя свет —
А в руке буграми ходит сила,
Все он может, стоит лишь посметь.
Вот рукою, чтобы не торчали,
Он поправил волосы слегка,
И уже задетые нечаянно
В небе закачались облака.
Он — один. И никого здесь кроме.
Сам себе пока — слуга и князь.
А вокруг леса. Синеют кроны,
Как курганы, в небе громоздятся.
Он развалит синие курганы
И достанет клады, а потом
Эти клады чисто остругает
И отешет ярым топором.
И тогда он явит миру золото,
Хохоча от щедрости хмельной,

Рубленное, пиленное, колотое,
Пахнущее соком и смолой...
И пошел он, жилистый и крепкий,
Ельниками темными не зря —
Брызгали испуганные щепки,
Шлепались в озера и моря.
И где стыли сумерки сырые,
Как подвалы вековые, там
Синь и солнце хлынули впервые
По его размашистым следам.

ДИОНИСИЙ

В Вологодской области находится Ферапонтов монастырь — исторический памятник древнерусского водчества. В 1500—1501 гг. его расписывал гениальный русский живописец Дионисий.

Когда-то было в Белозерье это.
В монастыре, затерянном в лесах,
Иконописец в памятное лето
Богopodobно красками писал.
И пахари, забыв на время дело,
У врат соборных грудились толпой
И, задирая бороды, глядели
Восторженно под купол голубой.
Там совершалось чудо. Дионисий,
Лобастый и приземистый старик,
Касался сводов немудреной кистью —
И на камнях рождался дивный лик.
И что-то очень близкое, земное
Сквозило в лике матери святой.

**И люди с обнаженной головою
Немели перед этой красотой.**

...В молчанье строгом я гляжу

на фрески,

Хранящие седых времен следы,

И вижу в них не ангелов библейских,

А дальних предков мудрые черты.

И говорят об этом фрески сами,

Что наши предки в глубине веков

Своими гениальными руками

Себя творили в образе богов!

Есть красота всевластная
Девíчьих чистых лет.
Приходит, будто хвастает,
Что лучшей в мире нет.
В ней все, как в утро раннее,
Когда горит восток:
Игра и обещание,
Открытость и намек.
Она мудра в наивности,
В суждениях проста.
Не верит, что поблизости
Иная красота.
Пора спокойных полдней,
Высоких облаков,
Свечением наполненных
И злаков, и плодов.
Пора морщинки первой,
Так памятной для нас,
Вокруг в себе уверенных
И чуть усталых глаз.
Однажды рассмеялись

Глаза, и в этот миг
Нестертою осталась
Морщинка возле них.
А может быть, иначе —
Обрушилась беда
И след свой обозначила
Морщинкой навсегда.
Пора солнцестояния,
В которой все черты
Иного обаяния,
Особой красоты.

МАРТОВСКОЕ

Половики, что вьюги нам настлали
На тропках, на дорогах, у крылец,
Из белых уж коричневыми стали
И износились к марту под конец.
Весне на помощь вновь пришли лопаты
Средь солнечной веселой кутерьмы.
По глыбам снега, мокрым, ноздреватым,
Читаю я историю зимы.
В них каждый пласт по-своему заметен.
Ну, а внизу, к весне не потускнев,
Лежит полоской радостного света,
Лежит в травинках самый первый снег.
Ах, первый снег! Припомни-ка, тот самый,
От всех стеной отгородивший нас.
Мы встретились тогда с тобой глазами
И опустили взгляды в первый раз.
Какие плыли крупные снежины
И гасли рядом, в травяной тиши!
...А ты-то помнишь это? Напиши мне.
Пожалуйста, скорее напиши.
Один брожу под вечер где попало
И думаю о жизни и весне.
За городом, за солнечным вокзалом,
Горит последним самый первый снег.

ХОДИТ РАДОСТЬ СНЕЖНЫМ ПЕРЕУЛКОМ

Ходит радость снежным переулком
На рассвете к булочной одной,
Покупает яблоки и булки
И приносит к завтраку домой.

Ветерок колюч. Дрожат слезинки
В уголках больших и серых глаз,
На платке у подбородка — льдинки:
Так морозно по утрам сейчас.

Свежие, чуть вспыхнувшие щеки,
Кольца индевеющих кудрей.
В рукавчиках, маленьких и легких,
Пальчики озябшие у ней.

Греет их она дыханьем влажным,
И на них — взгляни со стороны —
Не отмытые и мылом даже
Пятнышки чернильные видны.

Солнцу, снегу, людям улыбаясь,
Ничего на сердце не тая,
Улицами ходит эта радость,
И она, товарищи, моя.

К. БАТЮШКОВ В ПАРИЖЕ

Как выстрел, грозное известье
Скатилось в утреннюю тишь:
«Вступают русские в Париж!»
И сразу дрогнули предместья.
Сшибались в панике повозки,
Храпели кони на мостах...
О боже! За пожар московский
Они Парижу отомстят.
...Полки торжественно входили,
И с высоты лилась, хмельна,
На гренадерские мундиры
Апрельская голубизна.
— Да здесь, ребята, красно лето,
Куда нас, братцы, занесло! —
Шинели бросив на лафеты,
Солдаты щурились тепло.
И в том строю, причастный к славе,
Перехватив ремням стан,
Летел в седле веселый, бравый
Российской службы капитан.
Он счастлив. Он сейчас не помнит,
Что в Петербурге знаменит,
Что в тишине лицейских комнат
Его певучий стих звенит.

Он — просто русский! Он — в Париже!
Он из Москвы пришел сюда,
Чтоб нашу речь Париж услышал
И чтоб запомнил навсегда.
Он видел много, понял много
И ничего не позабыл:
Ни бивуаки, ни тревоги,
Ни одиночество могил.
И он гордился, что в Париже,
Наветам гнусным вопреки,
Солдаты наши сердцем выше,
Чем безрассудные враги.
Здесь, перевязывая раны,
Врачуя давнюю тоску,
Солдаты гордо повторяли:
«Мы помним матушку Москву!»
В толпе мундиров, платьев, фраков
Блистал у парижанок взгляд
От остроумия казаков
И от достоинства солдат.
И он смотрел, как удивленно
Они стояли, закурив,
Перед Трояновой колонной,
Перед решеткой Тюльери!
Он понимал, что здесь впервые
За много лет трудов и битв
Теперь на мир глядит Россия
И на Россию мир глядит.

*
* *
*

Хоть солнце и зашло уже
И хоть повял закат,
Как маленькие солнышки,
Березы все горят.
И в те часы вечерние,
Когда войдешь в село,
От этого свечения
И в сумерки светло.
Давно крыльцо отворено,
Но я стою, смотрю
На эту белоствольную
И тихую зарю.
И ничего не надо мне,
Лишь только, чтоб она
Дружней росла посадками,
Родная сторона.
Скорее в люди вышла бы,
Да встала в полный рост,
Да свет несла над крышами
Не только от берез.

*
* *
*

О тебе никто не слышал,
Речка Белая Вода.
Самых тихих речек тише
Ты струишься в холода.
В сосняке свои приметы
Потеряешь ты не раз,
И тебя как будто нету,
Нету... для случайных глаз.
Но апрельскою порою
Солнце брызнет горячо,
Сундуки снегов откроет
Золотым своим ключом,
И вскипаешь ты бурливо,
Речка Белая Вода.
Знают лишь ольха да ива,
Как красива ты тогда.
На простор выходишь снова
И сильна, и широка
И заносишь в куст ольховый
Льдинки, солнце, облака.
Молодая, озорная,
Солнцем светишься до дна
И бежишь, в кустах играя,
Только озеру верна.

ДНИ НЕПРОЖИТЫЕ

Дни непрожитые, словно лес нетронутый.
Я смотрю на лес издалека:
Вон рукой подать — зеленокронная,
Легкая гряда березняка.

Не стволы, а струи родниковые
Над землею весело кипят.
Эх, березы — белые диковинны,
Вы всегда мне радуете взгляд.

И, наверно, радостное что-то
В предстоящих днях сулите мне.
Может быть, удачливой работы,
Добрых встреч, раздумий в тишине?

Только что ж кончаетесь так быстро?
Хмурый ельник рвется вширь и ввысь.
Мхами и валежниками выслан,
Сквозь него — попробуй проберись.

Вглядываюсь я в него тревожно,
Тешу сердце думаю одной:

**«Ничего. Березнячок, возможно,
Просверкает вновь передо мной».**

**Так и есть. Окинув дали взглядом,
Вижу в белых струях островок.
И душа опять чему-то рада
И полна неузнанных тревог.**

*
* *
*

В вагоне опять разговор о поэзии,
Крутой разговор — настужь сердца!
И мы в перепалку горячую лезем,
Чтоб все же свое отстоять до конца.
Очки у соседа — как льдинки иронии.
Нет, он не считает себя знатоком,
Он просто талантов поклонник скромный
И с Ахмадуллиной лично знаком.
Ему, извините, противны традиции:
Мол, с ними посредственность только в ладу,
Мол, ныне поэзии стыдно рядиться
В хорей и прочую ерунду.
...А поезд летит, как зеленая просека,
По рыжим степям все быстрее,
И катится рельсами этот простенький,
Обутый в железо хорей.
Сосед горячится, не замечая,
Что сам в возраженьях, увы, не нов:
Рахитичной тенью встают за плечами
Кликуши двадцатых годов.
А мы говорим — мы немало поездили! —

Бок о бок с народом идет
Честнейшая девушка — наша Поэзия,
И к ней мишура не идет.
Людские сердца — общсжитья поэтов,
Не всяких поэтов, а только таких,
Которые были за правду в ответе
И правдой народной чеканили стих.
...Да, мы принимаем традицию эту!
Ну что ты, сосед по вагону, затих?

*
* *
*

Сердце колет стрелка часовая
До гудка за несколько минут.
Люди, провожая, уезжая,
На перронах никогда не лгут.
Если плачут, то лицо не прячут,
Радуются — кругом голова.
Если говорят о чем-то, значит,
Это не случайные слова.
И к вагонам даже по билету
Вход для равнодушья воспрещен
На разноголосый, разодетый,
В поцелуях и слезах перрон.
...Чтобы мне сердца словами тронуть,
Будь такой же искренней, строка,
Как вот эти люди на перроне
Перед ожиданием гудка.

СОДЕРЖАНИЕ

Дождь	3
Киножурналы	6
Трое	8
Делегаты	10
В доме крестьянина	12
Русская печь	14
Гора	16
Дипломат	18
По воле нашего парткома	20
Коммунисты	22
Вытегоры	24
Сидит старик на мельнице	25
И вот объявляются танцы	27
Ровеснику	29
Ель	30
Русские деревни	31
Районные дороги	34
«И младший сын уже оставил дом...»	36
«Сойдешь на тихом полустанке...»	38
«Бывает так: за дружеским столом...»	40
Отец	41
Вологда моя	46
Зимнее утро	48

В автобусе ехала женщина	50
Пляска	52
Посвящение в родню	54
Домашняя хозяйка	56
Твои подруги замужем давно...	57
«Поверишь ли, здесь не природа — чудо!..» .	59
«Нет трогательней, откровенней...»	60
Женится начальник лесопункта	62
«Ты неожиданно и негаданно...»	65
Молоко	67
Тетерев	69
«Неяркое позднее лето...»	71
«В лесу осеннем, как в пустом дому...» . .	72
«Местком о путевках хлопочет...»	73
Зеленый город	74
Черемухи	76
Предок	78
Дионисий	80
«Есть красота всевластная...»	82
Мартовское	84
Ходит радость снежным переулком	85
К. Батюшков в Париже	86
«Хоть солнце и зашло уже...»	88
«О тебе никто не слышал...»	89
Дни непрожитые...	90
«В вагоне опять разговор о поэзии...» . .	92
«Сердце колет стрелка часовая...»	94

Цена 10 коп.

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ